

ТАША МИСНИК

**ПОД
СЛЕЗАМИ
БОСТОНА**

дьявол не спит

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М65

Редактор серии *Светлана Ленкова*

Дизайн обложки *Янины Клыга*

Иллюстрации в блоке *Татьяны Альховик (pr.cass_tattoo)*

Иллюстрации на наклейках *imperiness*

Мисник, Таша.

М65 Под глазами Бостона. Дьявол не спит : роман / Таша Мисник. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-239569-7

Серена вечно в бегах: от призраков прошлого, от близости, от самой себя. Никто не знает ее тайну, и вряд ли Серена решится доверить ее хоть кому-то.

Эзра потерял то, что ему было дороже всего, и запер свое сердце на замок. Он больше не чувствует боли. В его мире нет места слабости.

Однажды жизнь сталкивает этих двоих. Они похожи больше, чем кажется, и оттого возненавидели друг друга с первой секунды знакомства. Станет ли эта встреча спасением или же ознаменует начало конца?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-239569-7

© Мисник Т., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Таяло мое сердце

Помню, как невыносимо жгли слезы именно в тот день. Как не хватало рук, чтобы их вытереть. Как горечь топила в себе сердце, которое совсем недавно только сделало первый вдох. Как казалось, что все, во что я до этого верила, обернулось ложью.

И ведь действительно было так.

Я терла и терла лицо, не различая, избавляясь от слез или дождя, измучившего тогда Бостон.

Да, погода в ту зиму выдалась скверная, но я все равно поперлась в порт, чтобы успокоить нервы проверенным способом. Только вот в тот раз он впервые не сработал. Я лишь испортила гитару, продержав ее под мерзкими осадками почти всю ночь.

— Кто я такая? — ревела я под глухой аккорд, перебирая струны обледеневшими пальцами.

Нет, гитара не окоченела, в отличие от меня. Вышла из строя. Разбилась, если быть честной. Сиганула прямо в залив Массачусетс и затонула. Как в тот день тонула и я. Уровень за уровнем. В слезах. Отчаянии. И боли. Безмерной боли, которой, я думала, никогда не прочувствую на себе.

5

И я задрала голову к небу — хотела наглотаться холодных капель, залить ими доверху горло, захлебнуться и умереть. Ну или хотя бы подхватить грипп, который свалил бы меня с ног высокой температурой и довел бы до беспомощности на ближайшие несколько дней.

Но в ту туманную ночь, в том безлюдном порту, на том самом дряхлом диване, когда на мою и его щеку упала первая пара снежинок, моя жизнь неожиданно начала новый отсчет.

Именно в тот момент, в крепких объятиях, которые обрушились на меня так же неожиданно, как и мороз на промокший город, под слезами Бостона окончательно растаяло мое сердце.

*Посвящается каждому обледеневшему сердцу.
Которое обязательно забьется.*

ГЛАВА 1

Счастливого чертового дня рождения

Серена

Раз, два, три, четыре, пять. Раз, два, три, четыре, пять.

Глаза зажмурены. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Это не сложно, Серена. Это всего лишь просьба. Так делают все. А ты часть команды. Просто подойди и спроси.

Туже затягиваю хвост на затылке и плавно поднимаю веки. Снова вижу яркий свет и вечно недовольное лицо Астрид перед глазами.

— Какого черта, Аленкастри! — как обычно, орет она. — Уже спишь стоя? Это всего лишь твоя четвертая смена за неделю!

— Всего лишь? — *Упс, неверный заход.*

— Здесь люди вкальвают днями! А ты еще и возмущаешься! Неблагодарная девчонка! — Кажется, от тряски ее головы из прилизанного строгого пучка вывалилась пара рыжих прядей.

— Я... Нет... Нет, что вы. Я просто хотела...

— А я хотела, чтобы ты сгребла свои ноги в руки и вовремя обслужила пятый столик!

— Астрид, я хотела...

— Ты оглохла?! Мало того, что ты передвигаешься как одноногий пират, так еще теперь и плохо слышишь? Зачем я вообще тебя здесь держу?! Деревенщину необразованную. В ресторане высшего класса! Ты вообще видела, кто сидит за пятым столиком? Видела, кто ожидает принятия своего заказа? А? Или ты еще и ослепла в придачу ко всему?! Штраф, Аленкастри! Я больше не намерена это терпеть.

— И я тоже больше не намерена это терпеть, — выдыхаю ей в спину.

— Что?! — Копна рыжих волос пролетает над моим лбом, и если бы Астрид не носила шпильки под четыре с половиной дюйма, то ее пучок отхлестал бы меня по носу. — Я что-то услышала или кто-то просто испортил воздух?

— О да, воздух здесь испорчен с тех пор, как ты тут появилась. Мегера. Слышала, что «Шанель №5» уже давно не в моде? Или тебе их передарила бабка?

— Аленкастри! — Раздуваются ее ноздри, и рыжая челка подлетает кверху. — Ты уволена!

— Нет, Астрид, Серена Аленкастри увольняется сама из этого сущего ада. И засунь свой пятый столик в свою пятую точку!

Срываю с шеи черный галстук, положенный каждому официанту в этом ресторане, и сую его Астрид в нагрудный карман отутюженного пиджака.

— Удачи в унижении, — с гордостью заявляю ей в лицо. — И улыбайся шире.

— Аленкастри! Сегодня же пятница! Ты куда?!

— А мне плевать. У меня сегодня праздник. С днем рождения меня.

Заканчиваю с последней пуговицей тугого жакета и перед тем, как хлопнуть дверью кухни, бросаю его на пол.

Удаляюсь с такой скоростью, что не успеваю даже разглядеть лиц персонала, наблюдающего эту картину. Не понаслышке знаю, что каждый второй из них хотел бы проехать-

ся по отшлифованному массажами лицу Астрид кулаками с первого дня трудоустройства. Ну или луком-пореем — рукоприкладство мы все осуждаем.

Уверена, что сейчас там в мой адрес летит не один десяток восхвалений. И надеюсь, что Юджин все-таки успел запечатлеть ее физиономию на телефон. Распечатаю и повешу в спальне у кровати — поможет просыпаться по утрам в приподнятом настроении.

Первые десять минут я действительно «лечу» по Вашингтон-стрит и улыбаюсь прохожим, каждый из которых наверняка считает меня ненормальной наркоманкой. Ведь только так можно объяснить мое лучезарное лицо среди туч других серых лиц. Таких же, как тучи над Бостоном.

В порыве накатившей радости и смелости решаюсь набрать маме. Давненько этого не случилось. Да и не хотелось, но сегодня особенный день. Мой день.

— Алло, мам? — Уворачиваюсь от очередного порыва ветра и крепче цепляюсь руками за искусственную шерсть своей белой шубы. Подобие козы. Или ламы. Или, скорее всего, альпака. Да какая, собственно, разница, раз мне тепло.

— Серена? — Серьезный тон по ту сторону намекает, что она, конечно же, не помнит о моем дне рождения.

— Мам, как ты? Как твои дела?

— Как всегда. Бывало и лучше, — откашливается она. — Что надо?

— Просто хотела услышать тебя, — пытаюсь не позволить ее холодному голосу испортить мой позитивный настрой.

— Услышала? Лучше б домой приехала и помогла убраться.

— А что Бриан? — тут же ляпаю себя рукой по губам. Зря вырвалось.

— Да как ты смеешь?! — моментально оживляется она, и я чувствую, как через смартфон брызжет желчью. Так про-

исходит всегда, когда я цепляю Бриана. Но я никогда не научусь вовремя затыкаться. — У Бриана важная работа! Ты разве не знаешь? Ему некогда отвлекаться на такие мелочи. А вот ты! Ты же дочь!

— Дочь, про день рождения которой ты снова забыла! — не выдерживаю и выкрикиваю на всю улицу. Благо, мой голос перекрывает новый порыв ветра. — Ты даже не поздравила меня. Опять, — обида проседает в горле на последнем слове и давит его. Давит. Заставляя затухнуть на конце.

— А с чем я должна тебя поздравлять? — невозмутимо отвечает она, и я понимаю, что в очередной раз зря затеяла эту разборку.

Это все накотившая эйфория заставила меня подумать, что в этот раз все будет иначе. Раз я смогла там, значит, и здесь, скорее всего, получится не так, как всегда. Не так холодно. Не так безнадежно. Не так больно. «Может, достучусь сегодня» — новая ошибка, за которую я уже расплачиваюсь слезами, подкатившими к глазам.

— С тем, что ты появилась на этой планете благодаря мне? — продолжает она, повышая децибелы прокуренного голоса. — Поздравить тебя с тем, что я ночами не спала из-за тебя? Что пренебрегла карьерой ради тебя, девочка? С этим я должна тебя поздравить?

Я просто молчу, замерев возле первой попавшейся витрины. Я даже не вижу пестрящих на вывеске букв: их размыли скопившиеся в глазах слезы.

— Молчишь? — суровый голос вибрирует синхронно с моей дрожащей губой. — Вот и правильно. Думай, прежде чем говорить глупости.

Она кладет трубку, а я врезаюсь лбом в отскочившую дверь бара. Первые спрыгнувшие с неба капли дождя не дают прохожим разглядеть мои просочившиеся слезы.

А на что я надеялась?

Всегда ведь было так. Всегда ведь в ее сердце было холоднее, чем в лютый мороз на Аляске. Так почему я рассчитывала на глобальное потепление?

— Черт! — Второй удар распахнувшейся двери приходится в мою голову, и я решаюсь наконец отступить. — Еще и гребаный дождь! Класс! Просто класс!

— Мисс, вы заходите? — От третьего удара двери меня спасает какой-то бостонский джентльмен.

— Да, мать вашу, захожу, — я взмахиваю смоляными волосами, собранными в длинный хвост, и проскальзываю внутрь.

Оглядываю помещение, в которое зачем-то забрела, и понимаю, что выпить — сейчас самое правильное решение. Причин как минимум три: увольнение, мать и гребаный праздник в честь рождения меня.

Пятница, и поэтому неудивительно, что бар забит под завязку. Бар, которого я раньше никогда не видела. Видимо, я неосознанно свернула куда-то с Вашингтон-стрит.

Здесь все как-то мрачно, тускло и слишком коричнево. И деревянно, как по мне. Дерево на дереве. Деревянные стены, столы, стулья, стойки и даже, мать его, потолки. Как будто оказалась на какой-то ферме в день ярмарки. У владельца явно нет вкуса. Или он из Техаса. Ставлю полтинник.

Что ж. Волей случая и растерянности души я оказалась в пабе для ковбоев. Прекрасно. Впрочем, какая разница, где пить.

Задача номер один: протолкнуться к барной стойке.

Задача номер два: каким-то чудом избавиться от шубы, которую я ношу уже третий год. И которая третий год не подходит к дождливым зимам Бостона. Но на новую у меня нет средств.

Задача номер три: забраться в этой бесящей юбке-карандаш — части формы уже (слава богам) бывшей официантки — на высоченный барный стул. И...

Задача номер четыре: надратся в своей, мать его, двадцать второй день рождения.

По ощущениям уже тридцать второй.

Щемлюсь сквозь толпу и пытаюсь попутно стянуть с себя драного альпака белого цвета. Высунуть левую руку из рукава удается, когда какой-то мужлан толкает меня в бок, и я валюсь за барную стойку, но меня успевают придержать чья-то рука.

— Осторожнее, малышка, — улыбается стройная шатенка в топе, выше меня как минимум на две головы. И она даже не на каблуках. — По объявлению?

— Что? — отряхиваюсь я и приглаживаю свою юбку.

— Становись за стойку! — кричит она, когда несколько десятков мужских голов за барной стойкой начинают скандировать: «Давай! Давай! Давай!»

— Какую стойку? — я теряюсь, сжимая бедного дохлого альпака в руках.

— Быстрее! Видишь, что творится?! У меня не хватает рук! — красотка в топе с идеальной подтянутой фигурой пытается перекричать рев мужчин и попутно тянется за текилой. — Ну-у-у! Кто из вас, красавчиков, самый смелый?!

— Мне! Давай мне! — Ор желающих сливается в единое месиво, а я стою и мну пальцами все ту же шубу.

Длинноногая шатенка в топе ловко хватает за шиворот самого громкого активиста, укладывает его на спину, перегибает через стойку и льет ему в горло текилу под свист остальных самцов.

— Хорош с тобой, красавчик. — Она резко возвращает его в вертикальное положение, и тот, немного пошатываясь на ногах, кладет на барную стойку две сотни.

Две сотни?! За глоток текилы?

— Чего встала? — шатенка обращается ко мне, закупо-ривая бутылку Olmesa. — Бросай свою шубу вон туда, — указывает на полку под барной стойкой. — И давай уже помогай. Я зашиваюсь, как видишь.

— Но я...

— Малышка, прости, позже познакомимся. Вообще не до тебя.

— Но я не умею... — Все-таки засовываю альпака в тумбу.

— Просто дай им то, чего они просят. И расстегни пару пуговиц на блузке.

Она не дожидается моего ответа (она бы и не дождалась), подходит вплотную и выправляет мою белую блузку из юбки. Я невольно дергаюсь, этим не позволяя ей задрать рубашку вверх.

— Нет. Так не нужно, — я приглаживаю обратно края блузки ладонями, на что красotka хмыкает, но не настаивает и оставляет все как есть.

— Тогда хотя бы пуговицы. — Она осматривает мою грудь и резко высвобождает пару верхних пуговиц из петель.

— Прекрасно. — Хлопает меня по бедру. — Отлично выглядишь. А теперь иди вон к тому мужику. И сиськи вперед — чаевые обеспечены.

Вот это манеры... А я ведь даже не знаю ее имя.

— Ты, блин, серьезно? — Все, что я могу — это взмахивать ресницами.

— Абсолютно, малышка. И в следующий раз сделай макияж поярче.

Называется, пришла выпить. Что за черт?

В диком стрессе, дерганьях, поправлениях вечно задирющейся блузки и без капли алкоголя во рту я кое-как «дорабатываю» до трех утра, утоляя жажду клиентов. Спасибо моему опыту в обслуживании выездных мероприятий и скудным навыкам в смешивании виски с колой. Я даже не заметила, как влилась в процесс. Как не заметила и завершения своего дня рождения. Оно и к лучшему.

К четырем люди рассасываются. Музыка утихает и меняется на легкий эмбиент, что теперь абсолютно не вписывается в стилистику бара. Но я приятно удивлена. У меня даже

получается слегка расслабиться и выдохнуть. Край левого глаза уже подыскивает бутылку, с которой я смогу слить себе хотя бы стопку за свое здоровье. Но хриплый голос мужчины возвращает меня в реальность.

— Повторить, — кричит он, уткнувшись локтями в барную стойку и подперев руками голову. Темная челка, наверняка ранее зачесанная кверху, достает до носа, и он даже не пытается ее поправить.

Первое, на что я обращаю внимание — его кисти и пальцы, расписанные множеством черных символов, которые уходят под манжеты серого пуловера. Он не поднимает головы, лишь стучит пальцами по барной стойке и отшвыривает мне рокс¹.

— Виски? — уточняю я.

— Ты не запомнила мой заказ? — Мужчина все так же не поднимает головы, но вздымает брови. Видимо, возмущенно. Или удивленно. Не разобрать.

— Вас здесь миллион, а я одна. Сложно напомнить? — Забираю его рокс, но он перехватывает мою руку и наконец поднимает на меня глаза. Черные, как узоры на его руках. Пустые, как этот самый стакан. И абсолютно пьяные.

— Dalmore. Еще пятьдесят. А потом еще пятьдесят. — Глаза черны настолько, что в них отблескивает приглушенный свет ламп. И горечь. Цвета забытого на кухне чая. Я знаю, потому что такой «чай» ежедневно настаивается и в моей душе.

Он выпускает мое запястье и почесывает аккуратную бороду, затем растирает ладонями лицо, тяжело вздыхает и снова подпирает лоб руками, уткнувшись взглядом в барную стойку.

— Пожалуй, тебе уже хватит. — Мои тараканы сегодня не отпраздновали день рождения, так отпразднуют день храбрости.

---

¹ Рокс — низкий и широкий стакан с толстым дном, в который обычно наливают виски со льдом.

— Что? — Он снова совершает над собой явное усилие и смотрит на меня. — Ты сделала слишком много ошибок во фразе «секунду, сэр».

— Нет. Тебе уже действительно хватит. — В подтверждение своих слов я складываю руки на груди, демонстрируя полную уверенность.

— Кто. Ты. На хрен. Такая? — отчеканивает он каждую букву, стискивая зубы. — Я сказал «еще» — значит, ты льешь еще. И не задаешь лишних вопросов. — Взгляд цвета бездны сверлит меня из-под массивных бровей, но сегодня он точно не на ту напал.

— Я. На хрен. Та, кто вышвырнет тебя отсюда, если ты не начнешь себя нормально вести. Понял? — Я утыкаюсь в него таким же злобным взглядом, не двигаясь с места, и замечаю, как под щетиной вырисовываются острые скулы.

— Стенли, мать твою! Стенли! Сюда иди! — орет бородатый алкоголик. И на его зов прибегает та самая красotka шатенка, которая заставила меня вкалывать в свой день рождения. Хотя я не особо и сопротивлялась.

— Опять надрался, Эзра? — Девушка по имени Стенли накрывает его щеки ладонями и приподнимает лицо.

— Кто это такая? — Мужик тычет в меня пальцем слабой руки.

— Новенькая. Ты уволил Кэт, помнишь? Одна я не справляюсь.

— Я уволил Кэт? — Пьянь по имени Эзра сбрасывает с себя руки Стенли и пытается распрямиться на стуле.

Из-под глубокого выреза пуловера выглядывает часть еще одной татуировки, которая от груди разрастается к шее, но я не успеваю разглядеть рисунок.

— Ты уволил Кэт, — усмехается Стенли.

— Я уволил Кэт.

— Еще раз тебе повторить или записать? — Красotka Стенли трет барную стойку и не перестает улыбаться.